

И.С. Хугаев

ДЕЛО ТРУБА, ИЛИ ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ МОЛОХ¹

И.С. Хугаев*

1. РОССИЙСКИЙ ГОРОСКОП

Есть традиция – объявлять тот или иной наступающий год годом какого-нибудь значимого феномена или понятия. 2008 был годом семьи, 2009 – молодежи, 2010 – учителя, 2011 – космонавтики, 2012 – российской истории, 2013 – охраны окружающей среды, 2014 – культуры, 2015 – литературы, 2016 – кино, 2017 – экологии. Смысл этого «гороскопа» понятен: указы Президента актуализируют для общественного сознания ту или иную проблему и предполагают мобилизацию усилий на соответствующем направлении.

Но это только внешний, официальный смысл; на самом деле эта традиция грустная: мне видится в ней привычка долгого прощания с дорогими сердцу вещами.

С виду мы гордые добыватели побед, а на деле с нас песок сыплется. Правда, песок этот золотой: то ветшает наш блестящий доспех, в который нас облачили предки, доспех настоящих завоеваний науки и культуры, демократии и гуманизма, которые мы наследовали по праву рождения. А теперь мы только исправно ведем счет нашим потерям: ах, вот еще одну реликвию утратили; ах, вот еще одно сокровище пропало; ах, вот еще одна ушла благодать...

2. ЭНТРОПИЙНЫЙ ДИСКУРС ИСТОРИИ

Современные политики и ученые согласны в том, что прогресс (как положительная величина) существует, и если и спорят здесь о чем-либо, то лишь о его, прогрессе, динамических свойствах и факторах.

Но если посмотреть на мировую историю гуманитарно, со стороны той меры добра, красоты и справедливости, которая никак не может быть выражена в количественных показателях – в галочках, культивируемых сегодня, то, возможно, мы увидим не прогресс, а неуклонную деградацию. На

энтропийный характер истории (всеобщей или отдельных обществ) указывали многие мыслители и писатели.

Генрих фон Клейст в своем «Размышлении о ходе вещей» (1810) утверждал, что народы начинали с «героической эпохи, из всех достижимых, несомненно, самой высокой; когда же у них ни по каким человеческим и гражданским добродетелям не стало героев, они таковых сочиняли; когда и сочинять уже не могли, придумали взамен правила; когда запутались в правилах, мысленно вывели самое философию; а уж когда управились с этим, стали никчемны».

Обратите внимание, какова здесь логика истории: сначала человек теряет ту или иную добродетель, – потом создает ее суррогат в виде произведения искусства или научной теории, – именно о том, что представляет собой эта добродетель и как она может быть достигнута. Каждый новый закон, принимаемый в Думе, каждая новая статья, вводимая в Уголовный кодекс, просто фиксирует постфактум очередное человеческое грехопадение. История человечества – история болезни. Мировая история – моровая история. Всемирная литература – сборник отходных молитв по нашим реликвиям. Мавзолеев наших добродетелей.

Кстати говоря, недавно в Думе инициировано создание комитета по защите нравственности. Да здравствует нравственность. Прощай, нравственность.

3. «ТРУБА»

Мы оценили чистый воздух и синее небо, когда закопили его дымом трубы. «Труба» – так называется фильм Аслана Галазова и Анны Кабисовой, в начале года представленный нашей аудитории. Фильм напомнил о нашей общей болячке и вызвал очередной всплеск дискуссии о заводе «Электроцинк».

* Хугаев Ирлан Сергеевич – д. ф. н., старший научный сотрудник ВНИЦ РАН и РСО-А.

¹ Очерк был написан в начале 2018 г., после премьеры документального фильма Аслана Галазова и Анны Кабисовой «Труба», исследующего положение дел вокруг завода «Электроцинк» и придавшего новый импульс общественной дискуссии по вопросам экологии. В октябре того же года, как известно, на заводе произошел пожар (при его тушении погиб один человек), после чего (25 октября) Парламент Северной Осетии принял обращение к федеральным властям и руководству УГМК (Уральской горно-металлургической компании) с просьбой закрыть завод. В настоящее время все производственные процессы на предприятии остановлены, оно готовится к основному этапу консервации. Как сообщили 30 мая 2019 года в пресс-службе завода ТАСС, полная консервация завода «Электроцинк» завершится осенью 2019 г. – Ред.

Фильм в самом строгом смысле документально-публицистический, спокойный и аскетичный, без крайностей, аффектов и чувствительных иллюстраций (хотя бы посредством множества сломанных «трубой» судеб), которые, ввиду темы, могли бы быть использованы, – и, в общем, вполне оправданно. Но авторы избрали другой путь.

Фильм-конференция. Фильм-размышление. Фильм-вопрос. Фильм обращен не к сентиментальной, а к разумной стороне души. Единственное, чем компенсируется строгость киноизложения, – prospect Мира, площадь Свободы, трамвайчик, дети, голуби, наши красивые девушки... Это именно то, что представляет трубе экзистенциальную альтернативу.

Этот фильм тоже о мнимом прогрессе. Цель прогресса – человек, его здоровье – нравственное и физическое. На что нам прогресс, если мы должны класть на его алтарь девушек и голубей?

Наше правительство, очевидно, торгуется с УГМК о цене вопроса. Но это не вопрос цены. Это не продается. Не все владикавказцы – экономисты, и большинство из нас не вникают в деловой аспект вопроса. Но не надо быть экономистом или экологом, чтобы осознавать, что тебе не хватает воздуха. Возможно, скоро нас начнут заверять, что мы неправильно дышим.

Наш город занимает среди городов Северного Кавказа первое место по онкологическим заболеваниям: можно ли оставаться спокойным с сознанием этого злокачественного первенства?.. Зачем это нам? Мы лысые, что ли? – «Погодите, скоро облысеете...»

Фильм по-своему подытоживает многолетнюю борьбу наших активистов за законное право владикавказцев обонять розу ветров. Наши ветры давно не пахнут розами. А раз речь о ветрах, «моя хата с краю» здесь не работает. Тут не прокатит остаться в стороне, шепнув одинокому Дон Кихоту, собирающемуся с транспарантом наперевес против ветряной мельницы: «Ты давай, а я тут, за углом постою; цинкану, если что». Так случился экспромт, посвященный неистовому Герману Ревазову:

*Мы словно дети
(об «Электроцинке»):
один в пикете –
тысяча на цинке.*

Даже у игорных домов, обходящихся без труб, есть свои токсичные выбросы: потому их и поставили перенести в свои спецзоны. А тут – труба. Во всем своем вульгарном фаллическом обличи. Корень трубы глубок. Она крепко вросла в нашу землю. Тянем-потянем, вытянуть не можем.

Большинство старых заводов в России обанкротились или прозябают, – а этот, как назло, – стоит! Настоящий «Кощей Бессмертный». Где же та игла, на конце которой смерть его?..

4. ОТ ЭЙФОРИИ К ДЕПРЕССИИ

Промышленный капитализм, конечно, был для своего времени сравнительно прогрессивным явлением. И в Осетии тоже приветствовали его с во-

душевением, которое сегодня кажется наивным и преувеличенным.

В частности, о Г. Булатове, приехавшем сюда с целью отыскать серебро-свинцовую руду и построить заводы, Георгий Цаголов писал, что осетины с большим вниманием следят за деятельностью этого смелого предпринимателя и как манны небесной ожидают осуществления его планов: «Перед народом открывается широкий, светлый горизонт промышленной жизни, новой эры экономического прогресса. Радостно, бойко бьется сердце бедного полуголодного горца. Экономическое положение его мгновенно и значительно улучшится. Начнется новая жизнь» («Надежды на лучшее будущее» (1884)); «...блеснул этот благодатный луч, осветил горные тущобы и оживил упавшее духом население. Всюду жизнь, всюду движение... Даже постороннему как-то легче на душе становится под могучим дыханием этого неожиданного труда» («В горах Дигории» (1889)).

Но очень скоро пришел и разочарование, и оно тоже, что характерно, впервые было сформулировано Коста Хетагуровым:

*Зато в среду народную
Ты внес цивилизацию, –
Плодами просвещения
Объелись мужики.
Мирскими сыроварнями,
Мирскими лесопильнями
Расстроил ты мякинные
Желудки их вконец.
Как призрак Змей-Горыныча,
Теперь еще им чудится
Одно название лютое –
Общественный завод.
А как мечтали, глупые,
Разбогатеть заводами!..
Чего, чего лишь в будущем
Им не сулил ты, плут!..*

(«Кому живет весело» (1893–1894)).

Не будет преувеличением сказать, что в XIX веке прогрессивная мировая литература, мягко говоря, недолго любила этот грязный, шумный машинный прогресс, как бы подспудно ощущая в нем свою полярную философскую крайность. Посмотрите, каким разнообразным фольклорно-мифическим монстрам уподобляются в литературе заводы, фабрики и шахты: у Коста Хетагурова – «Змей Горыныч», у Александра Грина – «Сказочный Дракон», у Эмиля Золя – «Злобный Зверь», у Александра Куприна – «Молох».

5. АД БОБРОВА

«Молох» (1896) Куприна – квинтэссенция темы. Названием повести послужило имя ветхозаветного идола, которому приносили человеческие жертвы. Нигде не выразился так ярко (с учетом небольшого объема произведения) главный вопрос железного, машинного прогресса, – именно в отношении к человеку.

Если упростить образную структуру, без ущерба для главной мысли удалив второстепенные члены

конструкции, у нас останутся завод («Молох»), его хозяин (толстяк Квашнин), инженер Бобров и Нина Зиненко, дочка заведующего складом, в которую он влюблен.

В экспозиции мы застаем Боброва в состоянии апатии и депрессии, усугубленной давней привычкой к морфию, которую он только что с большим трудом преодолел; лишь образ милой Нины иногда внушает ему надежду на возможное счастье, хотя она часто раздражает его своими претенциозно-мещанскими манерами.

«Товарищи Боброва, инженеры, глядевшие на жизнь с самой несложной, веселой и практической точки зрения (это о тех, которые готовы за углом на «атасе» постоять и «цинкануть». – *И.Х.*), наверно, осмеяли бы то, что причиняло ему столько тайных страданий, и уж во всяком случае не поняли бы его. С каждым днем в нем все больше и больше нарастало отвращение, почти ужас к службе на заводе».

«– Вот он – Молох, требующий теплой человеческой крови!..» Мнительный и нервный Бобров видит завод в мрачных, inferнальных тонах, и тем не менее абсолютно натуралистических, ибо картины ада – этот «лес высоко торчавших в воздухе закопченных труб, – город, весь пропитанный запахом серы и железного угара, оглушаемый несмолкаемым грохотом» – по достоинству может оценить только райская душа. Ведь только чертям ад представляется раем.

Боброва повергает в смятение этот «огромный, сложный и точный механизм», который подчинил тысячи людей «железному закону борьбы за существование»; в самом деле, откуда это взялось, что существование с борьбой неразлучны, что надо отдать свое здоровье и талант «промышленному прогрессу»?.. Разве, как говорил Толстой, подлинный прогресс не состоит «во все большем преобладании разума над животным законом борьбы»?..

В последние дни, наконец, Боброва «особенно раздражали бледные, выпачканные углем и высушенные огнем лица рабочих. Глядя на их упорный труд (...), он сам как будто бы испытывал часть их физических страданий. Ему тогда становилось стыдно и за свой выхоленный вид, и за свое тонкое белье, и за три тысячи своего годового жалованья...»

Интересно, есть ли такие Бобровы на «Электростанции»?

6. МАНИФЕСТ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Народ городка, в котором обосновался Молох, чахнет от болезней и с голоду пухнет, а местные «жрецы» устроили по случаю визита хозяина пышный пикник (как это, между прочим, и в Осетии водится), где Квашнин провозгласил тост:

«– Держите высоко наше знамя. Не забывайте, что мы соль земли, что нам принадлежит будущее... Не мы ли опутали весь земной шар сетью железных дорог? Не мы ли разверзаем недра земли и превращаем ее сокровища в пушки, мосты, паровозы, рельсы и колоссальные машины? Не мы ли, исполняя силой нашего гения почти невероят-

ные предприятия, приводим в движение тысяче-миллионные капиталы?... Знайте, господа, что премудрая природа тратит свои творческие силы на создание целой нации только для того, чтобы из нее вылепить два или три десятка избранников. Имейте же смелость и силу быть этими избранниками, господа! Ура!»

«Соль земли»: возможно, для своего времени Квашнин пересолил, но сегодня, увы, такой спич показался бы даже пресным.

7. ПОКЛОНЕНИЕ ЖИРНОЙ СВИНЬЕ

Согласимся, что капитал, несмотря на все преступления, совершенные им, не утратил для нас постыдного очарования. Не зря ведь те самые красивые девушки, которых мы ни за что не хотим отдать Молоху, нередко сами готовы взойти на алтарь квашнинского прогресса. Откуда это в них... в нас?... Ведь Золотой Телец – это просто эвфемизм Жирной Свины. Отбросив в сторону всякие диалектические оговорки, приходится признать за факт, что буржуазный прогресс навязал нам качественно новый естественный отбор, который я назвал бы, по всем гуманистическим параметрам, противоестественным. Когда девушка любит одного, но дает потомство другому – это и есть противоестественный отбор. Человечество, в котором рано или поздно возобладало отпрыски противоестественного отбора, выкажет все признаки мелочного, подозрительного и прожорливого сверхчеловечества, которое, при терминологической ассоциации с Ницше, ничего общего с ницшевским весельчаком и ценителем искрометных вин и парадоксов не имеет. Потому что человек, не в любви рожденный и воспитанный, – половину клон.

Послушайте, с каким сладострастием вещает о Квашнине коллега Боброва Свежевский (без сомнения, он сам бы ему отдался, если бы Квашнин сделал ему предложение): «Его весь Петербург знает. Во-первых, так толст, что у него руки на животе не сходятся. При этом огромного роста, рыжий, и голос, как труба иерихонская. Но что за умница! Ах, боже мой!.. Во всех акционерных обществах состоит членом правления...» Или: «...когда на общих собраниях надо спасти ситуацию, – лучше его не найти. Самый сомнительный годовой отчет он так доложит, что акционерам черное белым покажется... Главное: он никогда и с делом-то вовсе не знаком, о котором говорит, и берет прямо апломбом...» И наконец: «Знаете, как он принимает в Петербурге? Сидит голый в ванне по самое горло – и слушает. А какой-нибудь тайный советник стоит, почтительно перед ним согнувшись, и докладывает... Обжора он ужасный... А уж насчет бабья и не говорите...»

Очень кинематографично: ну чем не какой-нибудь чванливый мафиозо, которому для вящего самоутверждения надо принимать одновременно и ванну, и гостей?

А сколько благоговения вызывают «триста тысяч его годового дохода»:

«– Сумеет ли мы его принять, Нюся? – спросил озабоченно Зиненко.

– ...во всяком случае, мы не удивим ничем человека, который имеет триста тысяч годового дохода.

– Господи! Триста тысяч! – простонал Зиненко...

– Триста тысяч! – воскликнули восторженно хором девицы.

– Триста тысяч! – повторила еще раз, точно в бреду, Нина. – Чего только на эти деньги не сделаешь!..

Анна Афанасьевна провела рукой по ее пышным волосам.

– Вот бы тебе такого мужа, деточка. А?»

Бедный Бобров! Плакала его свадьба.

8. БРЕД БОБРОВА

В разговоре с доктором Гольдбергом, до недавних пор снабжавшим непутевого инженера морфием и потому единственным человеком, перед которым Боброву не нужно ни в чем притворяться, сформулированы главные противоречия механического машинного прогресса:

«– ...мне гадко то, что я служу на заводе... Я... вижу, что благодаря моим трудам сотня французских лавочников-рантье и десяток ловких русских пройдох... положат в карман миллионы. А... другого смысла нет в том труде, на подготовку к которому я убил лучшую половину жизни!..

– Ну, уж это даже смешно, Андрей Ильич. Вы требуете, чтобы какие-то буржуи прониклись интересами гуманности. С тех пор, голубчик, как мир стоит, все вперед движется брюхом, иначе не было и не будет. Но суть-то в том, что вам наплевать на буржуев, потому что вы гораздо выше их. Неужели с вас не довольно гордого сознания, что вы толкаете вперед, выражаясь языком передовых статей, "колесницу прогресса"?»

Вопрос резонный, но Бобров не хочет снимать с себя ответственности:

«– ...мы, инженеры и изобретатели, своими открытиями ускоряем пульс общественной жизни до горячечной скорости... мы несемся сломя голову вперед и вперед, оглушенные грохотом и треском чудовищных машин, одуревшие от этой бешеной скачки, с раздраженными нервами, извращенными вкусами и тысячами новых болезней... Вы мне говорите о пользе? (...) вспомните, много ли вы видели на фабриках рабочих старше сорока – сорока пяти лет? Я положительно не встречал... это значит, что рабочий отдает предпринимателю три месяца своей жизни в год, неделю – в месяц или, короче, шесть часов в день... Хороша, нечего сказать, ваша цивилизация, если ее плоды исчисляются цифрами, где в виде единиц стоит железная машина, а в виде нулей – целый ряд человеческих существований!..

– Но, послушайте, голубчик вы мой, тогда, по-вашему, лучше будет возвратиться к первобытному труду, что ли? Зачем же вы всё черные стороны берете? Ведь вот у нас, несмотря на вашу математику, и школа есть при заводе, и церковь, и больница хорошая...

– И больница ваша и школа – все это пустяки! Цаца детская для таких гуманистов, как вы, – уступ-

ка общественному мнению... Вы знаете, что такое финиш? (...) когда финиш выжат и кляча упала с переломленной спиной и разбитыми ногами – вот тогда и извольте утешать ее вашими школами да больницами...

– А все-таки, пока стоит завод, труд этого рабочего обеспечен...

– Доктор, не говорите наивных вещей! Теперь рабочий более чем когда-либо зависит от рыночного спроса, от биржевой игры, от разных закулисных интриг. (...) Да стоит только акциям упасть на бирже, как это сейчас же отражается на заработной плате. А вам, я думаю, известно, как поднимаются и падают на бирже акции? Для этого нужно мне приехать в Петербург – шепнуть маклеру, что вот, мол, хочу я продать тысяч на триста акций, "только, мол, ради бога, это между нами, уж лучше я вам заплачу хороший куртаж, только молчите...". Потом другому и третьему шепнуть то же самое по секрету, и акции мгновенно падают на несколько десятков рублей. И чем больше секрет, тем скорее и вернее упадут акции... Хороша обеспеченность!..»

Как видим, все течет – ничто не меняется...

9. РАБ СВОЕЙ ПОДЛОСТИ

«Труд рабочего, – говорит Гольдберг, – обеспечен». Точно так же нас сегодня увещивают, что «Электрощиток» – это ведь рабочие места: как можно выкинуть людей на улицу?.. Зачем же сразу «на улицу»? А что, если бы мы взялись всем миром (включая рабочих «Электрощитка») закопать этот завод в землю, по-первобытному, лопатами: разве это не были бы рабочие места?..

Мало того, что труба коптит, – ее хозяйка еще и пыль нам глаза пускают. То реформа, то модернизация, то фильтры новые, то зеленые насаждения, то еще какая «цаца» детская... А по сути разговор вот какой получается:

«– Кормилец... родной... рассмотри ты нас... Ничего не можно терпеть... отошшали!.. Помираем...»

– Что же вам нужно? От чего вы помираете? – крикнул Квашнин...

– Помираем от холоду, кормилец... Ты хоть наших ребяток-то пожалей, пособи, голубчик, хоть печи-то прикажи поставить...

– Слушай, бабы! С завтрашнего дня вам будут строить печи и покроют ваши бараки тесом. Слышали?

– Слышали, родной... Спасибо тебе... ты уж нам, соколик, позволь и щепки собирать с постройки.

– Хорошо, хорошо, и щепки позволяю собирать... Вы распорядитесь, – сказал он вполголоса Шелковникову (директору, т. е. главному жрецу Молоха. – **И.Х.**), – чтобы завтра сложили около барачков воза два кирпича... Это их надолго утешит. Пусть любуются... Видите ли, дорогой мой, нужно уметь объясняться с этим народом. Вы можете обещать им все что угодно – но делайте это очень уверенно...»

«По мере того как человечество подчиняет себе природу, – писал Карл Маркс, – человек становится рабом других людей либо рабом своей собственной подлости».

Либерально-рыночная экономика исключила из своего обихода все нравственные категории, и ее теоретики серьезно доказывают, что гуманизм – помеха успешному бизнесу. Но «нулевая нравственность» драйзеровского Фрэнка Каупервуда не гарантировала его от поражений; бессердечие шишковского Прохора Громова не привело его к победе. Владимир Соловьев, честный русский философ, наглядно показал в своем «Оправдании добра» (1897), что рентабельной может быть только та экономика, которая основана на «нравственном принципе».

10. ДВА ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ГЕРОЯ

Сказано: «Много званных, да мало избранных» (Мф. 20:16; 22:14) Нет, «колесница прогресса» явно выскочила из колеи, коль скоро Квашнины мнят себя «избранными», – а Бобровы стесняются и «званными» себя признать.

Бобров дошел едва ли не до диверсии. Одумался: ведь не террорист же он, в самом деле. А закончил морфием. Вернее, вернулся к нему, честно, но тщетно поборовшись с недугом. Так и сказал Гольдбергу: «Ради бога, доктор, дайте морфия... или я сойду с ума!..»

Этот неврастеник и наркоман – единственный здоровый человек на заводе... Впрочем, есть еще один, полуполяк-полушвед Андреа, о котором было известно, что этот «безупречно сдержанный, трудолюбивый, талантливый человек каждый вечер напивался в совершенном одиночестве до потери сознания».

В мире Квашниных, увы, хорошие люди часто прибегают к самоубийству. Быстрому или медленному. Это тоже часть противоестественного отбора.

11. НАУКА О ДОМЕ

Итак, художественная литература фиксирует первородный грех промышленного прогресса, состоящий в том, что он служит средством достижения излишнего. В то время как цивилизация, по Махатме Ганди, «состоит не в умножении потребностей, а в свободном и хорошо продуманном ограничении своих желаний». Путь к умеренной nirване. Самое нужное человеку даром дано, а все, что ему для правильной жизни совсем не обязательно и даже вредно, требует пота и крови.

«Все вперед движется брюхом», – говорит добрый доктор Гольдберг. И в самом деле, государства (не говорю уже о транснациональных концернах) сегодня подобны хищникам, терзающим каждый со своей стороны тело до поры по-матерински терпеливой, жертвенной земли. Но сколько же можно жрать, господа? Что за ажиотаж? Не толкайтесь локтями, «избранники», пользуйтесь салфетками, не чавкайте, не звякайте так ножами и вилками, Бармалеи; хотя бы прожевывайте, прежде чем проглотить. Ах, как некрасиво.

Литературному сознанию имманентно, помимо остального, глобальное экологическое созна-

ние – сознание Земли как общего Дома для всех земляков-землян и их «меньших братьев», в полном соответствии с тем, что «экология» в точном переводе с древнегреческого – это «наука о доме».

Здесь, может быть, и заключается главная мировоззренческая коллизия: что же такое наш дом? Коста говорит: «Весь мир – мой храм», а тургеневский Базаров – «...не храм, а мастерская». Когда-то, безусловно, он был храмом, но нигилистический прогресс превратил его в мастерскую и загадил его ядовитыми отходами.

Помните кадры из «Трубы», снятые квадрокоптером, с высоты беспристрастного птичьего полета? «Электроцинк» – страшная гниющая язва на теле нашей прекрасной земли.

12. КОНЕЦ ТРУБЫ

В советское время был, конечно, момент романтизации промышленного труда. Возник даже жанр «производственного романа», в котором заводские трубы стали неизменной частью естественного пейзажа. Трубу как символ прогресса воспевали художники соцреализма, – и они имели на это полное право, потому что труба хоть коптила, но работала на изголодавшийся за сотни лет народ, а не на Трех Толстяков...

Есть ли свет в конце трубы?.. Что ж, пока что наши усилия по борьбе с владикавказским Молохом вылетают в трубу. Однако еще не вечер. Труба, в конце концов, тоже о двух концах. Мало ли было лопнувших трестов и компаний, вылетевших в трубу?

Я сказал в начале, что литература – свод отходных молитв по нашим реликвиям и мавзолей наших добродетелей. Теперь добавлю, что она еще и исследование всевозможных реализаций кармы. Куринский Молох устоял, но я вижу условное развитие этой темы в «Жерминале» (1885) Эмиля Золя:

«...И вдруг, когда инженеры начали осторожно приближаться к шахте, страшное содрогание земли обратило их в бегство. Под землей раздался грохот... А на поверхности опрокидывались, рушились, разваливались последние уцелевшие строения. Какой-то вихрь подхватил и расшвырял обломки... Раскололась и исчезла котельная. Потом четырехугольная башня, в которой хрипел водоотливный насос, упала ничком... Только высокая тридцатиметровая труба еще вздымалась, вздрагивая, подобно корабельной мачте в бурю. Казалось, вот-вот она упадет, рассыплется и рассеется прахом по ветру; но вдруг она вся целиком ушла в землю, растворилась в ней, растаяла, словно исполинская свеча; ничего не осталось над поверхностью земли, даже острия громоотвода. Все кончилось, – злобный зверь, притаившийся в Вореиской ложине, пожравший столько человеческого мяса, издох, не слышно было его шумного, протяжного дыхания...»

Так чудовище погрузилось в преисподнюю. Где ему и место.

Аминь.